

72.3
Ф93
СА-405415

Константин Фрумкин

ЛЮБОВАНИЕ УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ НАУКИ
В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ И ПУБЛИЧНОЙ РИТОРИКЕ

Константин Фрумкин

ЛЮБОВАНИЕ УЧЕНЫМ СОСЛОВИЕМ

ОТРАЖЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
СОВЕТСКОЙ НАУКИ
В ЛИТЕРАТУРЕ, ИСКУССТВЕ
И ПУБЛИЧНОЙ РИТОРИКЕ

са-405415

Государственное бюджетное
учреждение культуры
«Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской»

Нестор-История
Москва • Санкт-Петербург
2022

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.....	5

Часть первая XX век — век науки

Глава 1. Оторванность от жизни: До 1917 года	11
Глава 2. Царство смерти: Ленинский период (1917–1924)	21
Глава 3. «Барская любовь»: Ранний сталинизм (1925–1940)	33
«Свободное развитие подлинной науки»	33
Обслуживать народ добровольно и с охотой	39
«Молодежь должна овладеть наукой»	44
Хороший профессор в плохом окружении	52
Сталинская премия за портрет академика	62
У амвона науки: о советской довоенной фантастике	65
Короткое заключение	69
Глава 4. Догнать и превзойти: Поздний сталинизм (1941–1953)	70
Слава и унижение послевоенной науки	70
Жития святых на киноэкране	82
Лысенковщина и вера в биологию	89
Глава 5. Золотое время: Большие шестидесятые (1954–1970)	101
Пришествие научно-технического прогресса	101
Брак физиков и лириков	106
От портрета к жанру: молодежь против авторитета	114
Молодежь во враждебной среде	117
Короткое заключение	122
Глава 6. Конец прекрасной эпохи (1971–1985)	124
Темпы падают	124
Стареющая наука	128
Социология вместо физики	132
В институте неблагополучно	137
Глава 7. Жизнь после смерти: время воспоминаний и мифов (1986–2000)	143
Глава 8. О научной поэзии	153

Часть вторая Антропология науки

Глава 9. Образ ученого	165
Среди стереотипов и автостереотипов	165
Человек отстраненный	174
«Седой юноша»: юниоризация образа ученого	179

Глава 10. Энтузиазм ученого	182
Рождение фигуры ученого-энтузиаста	182
Тема энтузиазма ученых в послевоенной литературе	187
Энтузиазм как непроясненный феномен	193
Глава 11. Самопожертвование ученого	197
Ученый на фоне солдата и рабочего	197
Вопреки телесной немощи	199
Жертвы экспериментов	202
Глава 12. Проблема таланта	209
Благодать XX века	209
Оклеветанная посредственность	213
Культе великих ученых	220
Коллективизм против талантоцентризма	231

Часть третья

Экономика и социология науки

Глава 13. Проблема иерархизма	241
Отрицательный персонаж «Директор»	241
Изнанка авторитета	249
Директор — ученый или администратор?	258
Ученые-диктаторы и «добро с кулаками»	263
Плагиат и соавторство	269
Глава 14. «Настоящие ученые» против «карьеристов»	276
Наука как мир интриг	276
Крамов и Денисов: вариации на тему Лысенко	281
Разновидности карьеристов	285
Проблема эгоизма	294
Глава 15. «Связь науки с производством»	299
Под знаком нетерпения	299
Эпоха сталинизма: «круто повернуть к практике строительства»	302
Постсталинский период: внедрение как «слабое звено»	307
Сатира — против «чистой науки»	312
Сопrotивление понуканиям	315
Глава 16. Гендерное неравенство	321
Послесловие	327
Литература	331
Приложение. Списки произведений литературы и искусства, использованных при написании данной книги	340

ПРЕДИСЛОВИЕ

Тема этой книги вполне точно описывается ее подзаголовком.

Итак, есть социальная история науки, история ученой среды, научных институций, история взаимоотношений внутри этих институций и внутри этой среды, история их взаимоотношений с обществом и государством — и есть «аккомпанирующая» этой истории совокупность произведений художественной литературы, кинематографа и живописи, в которых многие характерные черты и события этой истории находят свое отражение, иногда прямую, иногда довольно искаженно, иногда мельком, на заднем плане. Но, так или иначе, два этих ряда фактов помогают понять друг друга и являются в некотором смысле инструментами интерпретации друг для друга.

Прежде всего, социальная история науки помогает лучше понять само содержание художественных произведений, понять, какие социальные смыслы в них закодированы, какие идеологемы оказывали влияние на их создание, какими событиями они могли вдохновляться. С другой стороны, сами художественные произведения во многом являются «свидетельскими показаниями» о жизни и работе ученых, хотя, разумеется, показаниями крайне искаженными, несбалансированными и требующими проверки и вторичной интерпретации. В эпоху сталинизма художественное произведение зачастую отражало в первую очередь идеологические установки, тексты и фильмы этой эпохи в первую очередь показывают нам, как официальная идеология преломляется в том числе и в художественном дискурсе. В послесталинский период литература и искусство становятся гораздо честнее, на них влияет в большей степени не официальная идеология, а общественное мнение интеллигенции, мнения самой научной среды, послевоенные литература и кинематограф в куда большей степени становятся «свидетельскими показаниями» — если не о реальности, то о том, как эта реальность виделась в общественном мнении. И совпадение многих сюжетных коллизий — например историй о том, как научные начальники присваивают себе тексты и достижения своих подчиненных, — явно показывают, что мы имеем дело тут не с литературным, но с социальным «лейтмотивом».

На этом предисловие можно было бы и закончить, но надо еще дать пояснение по поводу двух используемых в этой книге терминов: *публичная культура* и *наукоориентированный*.

Под публичной культурой здесь будет пониматься совокупность контента, транслируемого по общедоступным каналам — то есть в СМИ, в книгах, в рамках публичных выступлений и при этом предназначенного для широкой публики, иными словами, не требующего для восприятия профессиональных знаний.

В том чтобы наука, предельно эзотерическая, узкопрофессиональная, недоступная широкой публике сфера, становилась предметом обсуждения в публичных каналах, уже был своеобразный парадокс, «перепад высот». Преодоление этого смыслового барьера в литературе и искусстве происходило тремя способами: либо в состав художественных произведений включались фрагменты научно-популярного характера, либо точное содержание научных исследований в их художественных описаниях просто игнорировалось и лишь туманно обозначалось, либо оно подменялось вымышленным, фантастическим содержанием, более понятным и самим авторам, и публике.

И подмена, и игнорирование содержания научных исследований при описании науки становились возможны именно потому, что для художественных произведений куда более важной были психология персонажей — ученых, и взаимоотношения внутри среды, в которой они существуют. Именно поэтому художественные произведения — литература, кино, живопись — являются куда более ценными показаниями именно о социальной истории науки, а не о традиционно понимаемой «истории естествознания и техники».

Теперь — несколько слов о термине «научоориентированный».

В процессе работы над этой книгой проявилась острая нужда в особом прилагательном, характеризующем произведения литературы и искусства, посвященные науке не как форме познания, но как особой социальной деятельностью, а также ученым как людям, профессионально занятым этой деятельностью. Эпитет «научный» слишком широк, и, кроме того, он скорее указывает на содержание наук, чем на социальные обстоятельства их развития, и именно на близость к производимому науками содержанию указывал использовавшийся в России с начала XX века термин «научная поэзия». Между тем литература и искусство, ориентированные на социально-антропологическое измерение действительности, интересовались учеными-людьми куда больше, чем научными концепциями и еще в 1930-е годы Юрий Тынянов сказал, что научный роман подменяется «романом о научном работнике»¹.

Вообще отсутствие специального термина, обозначающего художественную литературу об ученых, представляется странной лакуной — учитывая, что в СССР, особенно в последние 30–40 лет его существования, такой литературы было очень много, и была особая посвященная этой теме литературно-критическая и литературоведческая литература.

В критике и литературоведении прочно закрепились такие термины, как деревенская и производственная проза («производственный роман», «производственная драма»), однако не было компактного термина для литературы, посвященной науке, — хотя такое явление, несомненно, есть, явление не просто ярко выраженное — но, если говорить о послевоенной эпохе, то еще и довольно целостное, обладающее большим числом внутренних закономерностей; в 1980 году критик Наталья Иванова говорит о «беллетристике, кино и живописи с героями-учеными», а затем походя бросает термин:

¹ Каверин В. К истории вопроса // Вопросы литературы. 1964. № 8. С. 43.

«техносферическая» проза. Ну, речь пойдет не только о техносфере, иногда и о гуманитарных науках — поэтому для данной книги был заимствован термин «наукориентированный», означающий тематическое заострение на деятельности ученых. Соответственно, можно говорить о наукориентированной культуре, наукориентированной прозе, кино, драматургии, живописи и т. д. — в любом из видов искусств наукориентированные произведения рассказывают о работе ученых, и профессиональные научные работники являются в них важнейшими персонажами.

Важнейшим жанром, давшим для нашей книги наибольшее количество материала, является реалистический наукориентированный роман. Его возникновение тесно связано с рождением прозы, ориентированной на подробное изображение профессиональной деятельности людей (как правило, специалистов в какой-либо сфере) и ставящей профессиональную деятельность людей в центр сюжета. В окончательно сформированном виде такого рода профессиональный роман мы впервые видим, прежде всего, во французской натуралистической прозе второй половины XIX века, в рамках которой появились первые — хотя пока еще крайне немногочисленные — примеры реалистических романов о профессиональной деятельности ученых и изобретателей.

В СССР изображение профессиональной деятельности считалось особенно важной миссией литературы отчасти из-за культа труда, являвшегося составной частью марксистской идеологии, отчасти из-за стремления большевистского государства подчинить всю культуру задаче поддержки военного и хозяйственного строительства.

Еще в книге английского критика-коммуниста Ральфа Фокса «Роман и народ», вышедшей впервые в 1937 году, говорилось, что роман социалистического реализма как современный эпос дает «героя нашего времени», который «неразделим со своей практической деятельностью»². Где-то к 1930-м годам для романов, изображающих профессионалов, решающих проблемы на производстве, в литературной критике был найден термин «производственный роман». В 1931 году на страницах журнала «Литература и искусство» литературоведом Исааком Нусиновым было дано одно из первых в истории определений производственного романа как романа, призванного «освещать процесс создания нового социалистического производства» и формирования в классовых боях нового человека³. Термин родился ненадолго позже самого романа этого типа, для которого, как отмечает Е. Н. Володина, практически не было традиции в отечественной дореволюционной литературе; по словам исследовательницы, производственный роман «возглавил иерархию жанров» литературы соцреализма⁴.

² Фокс Р. Роман и народ: Очерк по истории и теории романа. М.: Гослитиздат, 1960. С. 168.

³ Нусинов И. Вопросы жанра в пролетарской литературе // Литература и искусство. 1931. № 2–3. С. 29.

⁴ Володина Е. Н. Романы В. Дудинцева: типология и эволюция жанра: монография. Тюмень: ТОГИРРО, 2012. (Сер. Вестник ТОГИРРО. № 4 (22)). С. 10.

Советский роман об ученых во многих отношениях можно считать разновидностью производственного романа — во всяком случае, это тоже роман о профессионалах, решающих проблемы своих «народнохозяйственных» организаций, при этом научные институты в этих романах часто сами работают над решением проблем народного хозяйства. В принципе, большинство советских романов об ученых вполне подпадают под определение Нусинова, и, хотя фраза про «классовые бои» является достаточно бессодержательной данью идеологии, но если понимать ее шире — в смысле «острые социальные коллизии», то формулировка Нусинова полнее отражает амбиции наукоориентированной прозы вплоть до 1990-х годов. Эта проза действительно имела антропологическое измерение, она и вправду пыталась увидеть в ученом «нового человека», о чем будет сказано ниже.

Данная книга состоит из двух больших разделов — хронологического и аналитического. В первой части книги основные эпизоды социальной истории русской науки XX века и некоторые важнейшие черты отражения этих периодов истории науки в современной им публичной культуре излагаются в хронологическом порядке. Второй раздел, охватывающий вторую и третью части книги, предполагает более глубокий диахронический анализ отдельных тем и лейтмотивов, при этом, однако, надо признать, что, поскольку количественно большая часть корпуса наукоориентированных произведений литературы и искусства появилась в послесталинский период, то и большая часть материала для этого диахронического анализа также относится к послевоенному времени, в основном к 1950–1980-м годам.

В завершение хотелось бы указать, что хронологически данная книга охватывает не только советский период, но весь XX век, который в России — и не только в России — в полном смысле слова может быть назван «веком науки».

При анализе материала кинематографа предпочтение за редким исключением отдавалось фильмам по оригинальным сценариям. По умолчанию предполагается, что экранизация с сюжетной точки зрения добавляет к литературному оригиналу не очень много, хотя, быть может, это и не так, так что сравнение литературных источников с экранизациями могло бы составить предмет отдельного исследования.

Также за пределами данной книги осталось огромное царство научно-популярных образцов литературы и кино.

Поскольку принадлежность произведения литературы или искусства к определенной эпохе представляется очень важным фактором, влияющим на интерпретацию его содержания, автор счел нужным на протяжении книги снова и снова напоминать о датах создания того или иного романа, фильма, картины.

Автор выражает глубокую благодарность Елене Иваницкой — за ценные рекомендации, и профессору Артему Генкину — за постоянную поддержку.

ГЛАВА 2

ЦАРСТВО СМЕРТИ: ЛЕНИНСКИЙ ПЕРИОД (1917–1924)

Первый период в социально-культурной истории советской науки можно выделить примерно в границах 1917–1924/25 годов. Поскольку эти годы почти совпадают с годами нахождения у власти В. И. Ленина, то этот период можно было бы назвать «ленинским», но совпадение тут скорее случайно. Верхняя, достаточно условная граница периода связана с тем, что после ужасов Гражданской войны, разрухи и голода быт в стране более или менее нормализуется, а благодаря решениям действовавшего в 1922–1924 годах правительственного Особого временного комитета науки (ОВКН) финансирование научных учреждений более или менее налаживается, и последние становятся довольно привлекательным и престижным местом работы и вообще существования. Внешним ознаменованием нового, благополучного этапа в истории научного сообщества станет торжественное празднование в 1925 году 200-летия Академии наук, что будет сопровождаться, кроме прочего, первым в истории появлением темы науки на почтовой марке, а в живописи — возобновлением (а можно даже сказать — рождением) традиции парадного портретирования выдающихся ученых. Пройдет еще совсем немного времени — и наука окажется в центре сложного социального процесса, который и современники, и позднейшие историки начнут называть «культурной революцией», что, в частности, будет сопровождаться появлением художественных литературных текстов, крайне неблагоприятных к старой, дореволюционной среде, текстов, написанных как с «официальной» точки зрения, так и с точки зрения научной молодежи, идущей на смену старой профессуре.

Но это все будет потом, в первые же революционные годы, хотя правительство большевиков довольно активно пытается выработать что-то вроде научной политики, при том что в организационной истории науки в эти годы происходят довольно значимые события, литература и искусство этого практически не замечают.

Первые послереволюционные годы для российской научной среды (как, впрочем, и для большинства населения) были прежде всего громадной социальной катастрофой. Голод и разрушение всех налаженных социальных и бытовых связей привели к гибели многих видных представителей науки, а оставшихся поставили на грань выживания. По подсчетам В. С. Соболева,

в первые послереволюционные годы только из 40 членов Академии наук от голода и болезней умирают 12 человек — то есть 30 % состава академии¹.

В этот же период произошел первый (но не последний) в советской истории виток научной эмиграции, ускоренной в 1922 году так называемыми «философскими пароходами». Новая власть подозревала всю старую интеллигенцию в нелояльности, вследствие чего многие ученые оказывались подвергнуты репрессиям как участники контрреволюционных заговоров.

Так, в 1920 году ЧК разгромила так называемый «Тактический центр», и среди привлеченных к следствию были историк и филолог Осип Герасимов, философ Николай Бердяев, экономист Семен Маслов и т. д. Годом позже ЧК разоблачила и разгромила так называемый «заговор Таганцева», лидером которого считаться российский географ, секретарь одного из комитетов КЕПС Академии наук Владимир Таганцев. Дело это было связано с арестом многих ученых и вызвало резкие, но тщетные протесты Академии наук — ее президент Карпинский даже угрожал отставкой — все тщетно.

В то же время советский режим уже с первых лет своего существования обзавелся своей научной политикой. С одной стороны, был поставлен вопрос о «перехвате» культурной гегемонии у старой научной интеллигенции, о том, что пролетариат сам должен был овладеть научными знаниями — этот вопрос на раннем этапе, прежде всего, был поставлен деятелями возглавляемого А. Богдановым Пролеткульта — к концу 1920-х это требование стало частью официальной политики власти. По словам Богданова, перед рабочим классом ставились задачи «овладения наукой» и ее «социализации», то есть «переработки современной науки по форме и содержанию с коллективно-трудовой точки зрения и передаче ее в преобразованном виде рабочим массам»². В опубликованной в 1918 году статье «Наука и рабочий класс» Богданов пишет, что наука воспитывает своих представителей так, «чтобы оторвать и от задач и стремлений рабочего класса», то есть «духовно сблизить с господами положения». В результате «им представляется, что они — избранные, отмеченные печатью умственного благородства, не заинтересованные в мелочах житейской суеты; а там внизу копошатся низшие существа»³. «Если старая наука служит для высших классов орудием господства, то уже ясно, что для пролетариата необходимо противопоставить ему свою науку»⁴. Рабочему классу предстоит «получить и преобразовать под себя все научное наследство буржуазного мира»⁵.

¹ *Соболев В. С.* Советская власть и Академия наук в 1920-е годы // *Культура и власть в СССР в 1920–1950-е годы*. М.: РОССПЭН; Ельцин-Центр, 2017. С. 424.

² *Богданов А. А.* Пролетарский университет // *Пролетарская культура*. 1918. № 5. С. 9.

³ *Богданов А. А.* О пролетарской культуре. 1904–1924. М.; Л.: Книга, 1924. С. 205–206.

⁴ Там же. С. 208.

⁵ Там же. С. 213.

Для реализации этой задачи Пролеткульт с 1919 года стал создавать по стране сеть так называемых «пролетарских университетов» — фактически ускоренных просветительских курсов. Вообще же Богдановым была разработана комплексная теория пролетаризации науки, которая включала себя обращение науки от теории к практике, преодоление кастовой изоляции ученых, овладение наукой со стороны рабочего класса, преодоление разграничений между разными научными дисциплинами, а также между наукой и другими отраслями человеческой деятельности.

Одним из организационных воплощений этих утопических мечтаний о «новой науке» стали разрабатываемые в Наркомпросе в первые послереволюционные годы, но так и не реализованные планы реорганизации Академии наук и преобразования ее фактически в альянс или федерацию научных ассоциаций. Одно из косвенных последствий этих планов — паническое письмо неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга академику П. П. Лазареву, написанное в 1919 году: «Поговорите с Красиным, пусть он поговорит с Лениным, тот умный человек и поймет, что уничтожение Академии наук опозорит любую власть»⁶. Еще одно из впечатлений изнутри научной среды об этой стороне дела, о реформаторском пыле большевиков можно узнать из изданной в Берлине в 1921 году брошюры ученого-бактериолога и члена партии эсеров Бориса Соколова: «Весь 1920 год в Советской России прошел под флагом “похода на буржуазную науку”. Поход в печати и собраниях. Говорили о реакционности профессоров, об их странной аполитичности, о необходимости им быть советски настроенными. Говорилось и писалось на страницах “Известий” и “Правды” о реорганизации Академии наук, о разрушении старой, о возрождении новой»⁷. Соколов приводит цитату из выступления некоего коммунистического оратора на студенческой конференции: «...прав товарищ Луначарский, что наукой завладели мандарины от буржуазии. В свою очередь мы должны завладеть буржуазной наукой. Мы должны сделать ее пролетарской. Мы должны на место профессоров и ученых, пропитанных насковью духом аполитичности буржуазных мировоззрений, призвать подлинных пролетариев-ученых, которые смогут создать нашу, послушную нам науку»⁸.

Резюмируя смысл научной политики большевистского правительства, Соколов констатирует: «Люди упрощенных азбучных истин, доктринеры политики, они не могут принять, не могут согласиться с фактом существования независимой науки. Им представляется единственно разумным и правильным, чтобы наука, чтобы ученые стали послушными исполнителями советского правительства. Централисты по идее, диктаторы по биологическому закону антагонизма, — большевики не могут допустить не признающей их,

⁶ Академия наук в решениях Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б) — КПСС. 1922–1991. Т. 1. 1922–1952. М.: РОССПЭН, 2000. С. 9.

⁷ Соколов Б. Наука в Советской России. С. 8–9.

⁸ Там же. С. 10–11.

В фильме «Депутат Балтики» Полежаев говорит, выступая перед матросами: «Такие гении науки, как Фарадей, Дарвин, Клод Бернар, Гексли и другие, давно уже пытались заставить науку сойти со своего пьедестала, победить гнет церкви и кликушества и заговорить языком народа». Таким образом, мы видим удвоение идеи соединения с практикой — соединения с народом: великий ученый приходит к матросам и читает им лекцию о необходимости того, чтобы наука сошла с пьедестала и пришла к народу. Полежаев подчеркивает, что сидит за письменным столом ради того, чтобы пахарю было легче работать.

Речь, казалось бы, идет о популяризации научных знаний — но вопрос о популяризации становится здесь символом более общего вопроса «слияния с народом» и «служения народу» — хотя вопрос об участии ученых в популяризации тоже был довольно важным вопросом довоенного времени, и в 1936 году (год выхода фильма «Депутат Балтики») Н. К. Крупская публикует обращение к Академии наук с призывом «придать делу популяризации такой размах, поднять его на ту научную высоту, которая необходима нашей великой стране Советов», ставящей «все достижения науки на службу человечества, на службу широчайшим массам трудящихся»²².

В некотором смысле важнейшая линия наукоориентированной культуры 1930-х — подозрение, что наука в недостаточной степени «стала на службу».

«Молодежь должна овладеть наукой»

Важнейшим инструментом преодоления «отрыва науки от народа» была кадровая политика, заключающаяся в выращивании молодого поколения научных сотрудников, что было нужно для решения двух задач: экстенсивного роста науки как особой индустрии и для замены плохо управляемой и нелояльной интеллигенции дореволюционного «бэкграунда» молодыми и классово близкими учеными, желательно простонародного, пролетарского происхождения, воспитанными и получившими образование уже в советское время. Политические процессы вроде «Дела Промпартии» подталкивали к тому, чтобы заменять старых ученых побыстрее, на что, в частности, указывал Бухарин в 1931 году, говоря: «Серия процессов вскрыла перед нами отвратительную подпольную работу людей... Речь идет о целом слое нашей технической и научно-исследовательской интеллигенции, который оказался в лагере наших самых отвязанных, самых кровавых врагов... Измена целой большой группы чрезвычайно остро подчеркивает проблему новых кадров, таких кадров, у которых была бы достаточная социально-классовая прививка, у которых самая кровь была

²² Крупская Н. К. Неотложное дело // Вестник Академии наук СССР. 1936. № 1. С. 4–5.

бы гарантией беззаветной верности дела пролетариата»²³. Упоминание о «крови» очень любопытно — классовый подход к выбору кадров оказывается едва ли не формой расизма.

На уровне риторики результаты кадровой политики иногда рисовались в образе какого-то совершенно утопического слияния науки с народом, перехода науки к миллионам — образец такой утопической риторики мы видим в речи главы Госплана Валериана Куйбышева на конференции по планированию научной деятельности 1931 года: «Совершенно неизбежным при социализме является расцвет науки, потому что в научном творчестве принимают участие миллионы людей. Миллионы овладевают научным мировоззрением (марксизм-ленинизм), поднимая тем самым науку на невиданную высоту, расширяя и углубляя ее возможности, ликвидируя отрыв теоретических абстракций от практической действительности...»²⁴ <...> Разрешение всех этих задач, стоящих перед коллективом научных работников, требует овладения техникой и наукой массами, и в этом процессе овладения техникой и наукой массами границы между физическим и умственным трудом будут стираться. Только тогда, когда миллионы будут принимать участие в научном творчестве, только тогда мы используем те преимущества, которые имеются у нас перед капиталистическим миром в деле науки, в деле научного творчества»²⁵.

Куйбышев тут — несмотря на свою сугубо практическую должность — явно витает в облаках, намеренно смешивая популяризацию науки с подготовкой научных работников, в реальности речь шла все-таки не о миллионах, а о десятках тысяч — но тоже о массовой подготовке научной смены.

В 1928 году, выступая на VIII Съезде ВЛКСМ, Сталин произнес речь, состоящую из трех разделов; последний, третий раздел ее носил название «Молодежь должна овладеть наукой». Завершая свое выступление, Сталин сказал: «Перед нами стоит крепость. Называется она, эта крепость, наукой с ее многочисленными отраслями знаний. Эту крепость мы должны взять во что бы то ни стало. Эту крепость должна взять молодежь, если она хочет быть строителем новой жизни, если она хочет стать действительной сменой старой гвардии... Овладеть наукой, выковать новые кадры большевиков — специалистов по всем отраслям знаний, учиться, учиться, учиться упорнейшим образом, — такова теперь задача. Массовый поход революционной молодежи за науку — вот что нам нужно теперь, товарищи»²⁶.

В том же 1928 году в статье наркомпроса Луначарского мы читаем, что «главной задачей пролетариата остается не только использование старой

²³ Бухарин Н. И. Основы планирования научно-исследовательской работы // Из истории социологии науки: Советский период 1917–1935 гг. Тюмень, 1992. С. 248.

²⁴ Куйбышев В. В. Наука и социалистический план. М.: ОГИЗ; Московский рабочий, 1931. С. 6–7.

²⁵ Там же. С. 14.

²⁶ Правда. 1928. № 113, 17 мая.

ГЛАВА 5

Золотое время: Большие шестидесятые (1954–1970)

Пришествие научно-технического прогресса

Во второй половине 1950-х годов начинается самое лучшее время в истории русской науки за все время ее существования. Начинается эпоха, которую можно назвать «большие 60-е» — поскольку советские 1960-е связаны не столько с календарными датами, сколько с правлением Никиты Хрущева, ставшего первым секретарем ЦК в 1953 году, и XX съездом партии, прошедшим в 1956 году.

Это было время свободы и бурного количественного роста научной инфраструктуры. После 1950 года статистическое ведомство регулярно подсчитывает количество научных работников в СССР, и мы знаем, что за 1950-е годы (с 1950 до 1960) их численность выросла более чем в 2 раза — со 162 до 354 тысяч человек, а в следующее десятилетие — еще в 2,6 раза — до 928 тысяч человек. Самые высокие темпы роста количества ученых наблюдались на рубеже 1950-х и 1960-х годов. Как отмечает Г.А. Лахтин, темпы прироста численности научных кадров в 1954–1962 годах достигали 25% в год¹, это был «период массового распространения науки вширь»².

Заметим, что, хотя темпы огромные, но они не выше, чем на рубеже 1920–1930-х годов, когда действовал еще и эффект низкой базы. Но важны не только темпы, но и масштабы. Ученые стали не только качественно, но и количественно значимой долей населения. В столичных городах Москве и Ленинграде они стали одной из обыденных разновидностей горожан. Рост численности научных работников происходил столь стремительно, что, если бы такие темпы сохранялись достаточно долго, то через несколько десятилетий учеными стала бы большая часть населения страны — не приходится удивляться, что в фантастике этого периода, у Ефремова и Стругацких научные исследования объявляются главным занятием большей части населения планеты. Так начинают думать не только фантасты — в 1962 году в одном из своих выступлений академик П.Л. Капица тоже говорит, что в будущем половина человечества будет заниматься наукой, при

---

¹ Лахтин Г.А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. С. 87.

² Там же. С. 15.

этом указывает, что в этом пункте он согласен с академиком Н. Н. Семеновым³. Нам не удалось точно установить, на какое именно мнение Н. Н. Семенова ссылается Капица, но, возможно, речь идет о его статье «Заглядывая в завтрашний день», опубликованной в «Правде» в 1958 году, где директор Института химической физики выступает с футурологическим прогнозом, что завод будущего будет состоять из двух примерно равных по количеству персонала частей: автоматизированных цехов и заводской лаборатории⁴.

Благодаря своей численности научная среда приобрела черты самодостаточности, ученый мог «вариться» в среде коллег, минимизируя свое общение за ее пределами. Сочетание эффектов численности и увеличившейся политической свободы позволило научной среде обзавестись собственной субкультурной инфраструктурой, включавшей, например, клубы любителей фантастики, клубы самодеятельной песни, официальные и неофициальные туристические организации. «Коллективные исследования, общая интеллектуальная увлеченность, схожие культурные интересы и даже проводимые совместно летние каникулы — все это было звеньями одной неразрывной цепи, — пишет о среде физиков в послевоенном СССР А. Юрчак. — От научного общения и занятий физикой невозможно было отделить практику совместных походов и экспедиций, пения под гитару, чтения стихов, изучения археологии, сочинения музыки и так далее»⁵.

Приведем также еще одну цитату — из статьи киноведа А. А. Зудиной: «К началу 1970-х гг. ученые стали формироваться как полуавтономное социальное сообщество. Рождался оригинальный научный фольклор (“физики шутят”) и собственная субкультура, располагающая широкими социальными связями. Научная среда превращается в островок культурного вольнодумства, где организуются закрытые просмотры зарубежных фильмов, читаются запрещенные произведения. Научная фантастика превращается в популярный литературный жанр. Ученые обретают моральную автономию, проявляют общественную активность, предлагают собственный проект будущего, в котором центральное место займут наука и интеллигенция: образ “коммунистического будущего” в произведениях А. и Б. Стругацких окрашен именно в эти тона. Наконец, ученые присоединяются к оппозиционным писателям, заступаясь не только за науку и за “своих”, но и за “чужих”. Академик А. Сахаров становится “общественным адвокатом”»⁶.

В этом фрагменте все верно — кроме, собственно, датировок, дело идет не о 1970-х, а о 1960-х годах. В частности, упомянутая в цитате книга

³ Капица П. Л. Будущее науки // Наука и жизнь. 1962. № 3. С. 19–20.

⁴ Семенов Н. Н. Наука и общество: Статьи и речи. С. 323–324.

⁵ Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. С. 279–280.

⁶ Зудина А. А. Наука и образ ученого в советском кино (1928–1986 годы) // Общественные науки и современность. 2011. № 5. С. 171–172.

«Физики шутят» выходит в 1966 году, академик Сахаров начинает правозащитную деятельность также в 1966–1967 годах, и начало творчества братьев Стругацких о коммунистическом будущем также приходится на середину 1960-х.

Итак, в 1960-е годы началась генерация «коллективного самосознания» научной среды и ее сословной мифологии. А кроме того, из-за своих масштабов наука стала все более самоуправляемой в административном смысле слова. «В 1960-е годы, — констатирует В. С. Балакин, — наука превратилась в относительно самостоятельную крупную отрасль, обладающую своими производственными и территориальными структурами, своими органами управления»⁷. Как утверждают науковеды, именно в 1960-е годы в советской науке было сделано наибольшее количество научных открытий за все послевоенное время⁸.

Голос лидеров научного сообщества стал более весом — и дело было не только в росте авторитета создателей атомной бомбы, но и в том, что благодаря бомбе они получили повод высказывать свое мнение «граду и миру» — причем как раз по предмету своей специальности. Пока этого не произошло, литература могла себе позволить не замечать факта научно-технического прогресса, и еще в начале 1940-х годов Гессе в «Игре в бисер» считает возможным упоминать физику в ряду бесполезных интеллектуальных игр. Вот как об этом «культурном переломе» свидетельствует известный физик, академик Евгений Фейнберг: «Если в прошлые века при всем уважении к достижениям “точных” и “естественных” наук ученый все же считался ущербным существом и чужаком, то к середине нашего (двадцатого. — К. Ф.) века положение изменилось на прямо противоположное: в глазах посторонних он стал жрецом великого и могучего божества — Науки, а у самих “жрецов” возникли претензии на гегемонию дедуктивного формализованного знания в духовной сфере»⁹.

Советская публицистика и публичная риторика послевоенного периода полны не только констатаций увеличившегося влияния науки на «все стороны жизни», но и ожиданий того, что наука в ближайшее время произведет в жизни еще более впечатляющие изменения. Как отмечают В. И. Коваленко и Ю. С. Черняховская, в это время своего апогея достигает особое умонастроение — «научно-технический романтизм», в рамках которого модернизационный проект СССР воспринимался как начало проекта сверхмодернизации мира и который проявлялся одновременно и в постоянной государственной политике модернизации, и в особом «энергетизированном

⁷ Балакин В. С. Специфика социокультурного развития советской науки в 1950-е — 1970-е годы // Вестник Южноуральского государственного университета. 2007. № 24. С. 8.

⁸ Терехов А. И. Научные кадры РАН: Структура и динамика // Науковедение. 2000. № 2. С. 31.

⁹ Фейнберг Е. Л. Две культуры: Интуиция и логика в искусстве и науке. Фрязино, 2004. С. 246.

ГЛАВА 6

КОНЕЦ ПРЕКРАСНОЙ ЭПОХИ (1971–1985)

Темпы падают

Эпоха Брежнева, Андропова и Черненко. Эпоха застоя. 1970-е годы и начало 1980-х. В принципе, это продолжение предшествующей эпохи. И в истории науки, и в истории отражающих научную жизнь литературы и искусства не происходит ничего принципиально нового. Но иссякает пассионарность предшествующих лет. Падают темпы развития. И становятся все более очевидны недостатки системы.

Увеличение численности научных сотрудников в СССР продолжает нарастать. С 928 тысяч человек в 1970 году до 1 миллиона 373 тысяч человек в 1980. Цифры огромные, и в 1980 году литературный критик Наталья Иванова констатирует: «С ученого сейчас снят ореол исключительности... Торжествует коллективность науки, в Москве работает миллион ученых, сидящих в лаборатории чуть ли не как у станка. Ученый уже кажется писателю совсем обыкновенной, привычной почти фигурой»¹.

Цифры огромные, но темпы (прирост на 48% за 10 лет) уже несопоставимы с теми, что были раньше. Рост лишь на несколько процентов в год — те, кто помнят предыдущие десятилетия, понимают, что это уже замирание роста. В 1980-х годах система делает последний «выдох», и к 1988 году вырастает еще на 11% — до 1 миллиона 522 тысяч научных работников. Это — максимум за всю историю России/СССР со времен учреждения Академии наук и до наших дней. Выраженное в процентах ВВП финансирование науки, которое росло много предыдущих десятилетий, достигло своего максимума к 1974 году (4,94% ВВП) и затем стало падать, стабилизировавшись примерно на уровне 4%² (впрочем, неясно, как относиться к достоверности этих официальных данных).

Однако, несмотря на количественный рост, лучшее время советской науки осталось в прошлом. Как показывают подсчеты науковеда Г. А. Несветайлова, из общего количества научных открытий, официально зарегистрированных в СССР в 1950–1990 годах, на 1950-е годы приходится 34% всего фонда

¹ Иванова Н. Человек науки и наука человечности // Вопросы литературы. 1980. № 3. С. 96–97.

² Шелищ П. Динамика науки. С. 80.

научных открытий, а на 1960-е годы — 46 %, то есть за 1970–1980-е годы, за вторую половину послевоенного периода сделано всего 20 % всех открытий! И это привело, кроме прочего, к очень любопытному эффекту: тем людям, которые представляли ученых на награждение Государственными премиями, приходилось чем дальше, тем больше, ища достойные премии заслуги, зарываться в прошлое: период между временем начала научного исследования и награждением премией составлял:

в 1967–1970 годах — 8,7 лет,

в 1971–1975 годах — 9,8 лет,

в 1976–1980 годах — 13,2,

в 1981–1985 годах — 15,8,

в 1986–1988 годах — 18,5 лет.

«Иными словами, — констатирует исследователь, — большинство отмеченных премиями научных направлений были начаты еще в 1960-е годы»³. Более того — анализ удлиняющегося лага между заявкой на регистрацию открытия и самой регистрацией показывает, что в конце советского периода и регистрировались в качестве открытий в значительной степени достижения 1960-х⁴.

Как показывают советские статистические сборники, хотя численность ученых продолжает расти, но количество научных учреждений (включая вузы) в 1970-е годы перестает увеличиваться, колеблясь на уровне 5 тысяч. Это значит, что увеличивается среднее количество сотрудников в одной научной организации. В начале 1970-х в среднем по СССР в одном институте работает 179 научных сотрудников, к началу 1980-х уже более 270 человек и к концу 1980-х — около 300 сотрудников. Научные организации распухают и становятся все более громоздкими.

Неудивительно, что обостряются недостатки управления и те общесистемные проблемы, которые с 1920-х до 1960-х годов (с перерывом на войну) решались за счет темпов роста и учреждения новых институтов и лабораторий, больше так решаться не могут.

В 1977 году один из ведущих советских физиков, академик В.Л. Гинзбург в интервью журналу «Наука и жизнь» отмечает, что главный фактор, влияющий на развитие науки в данный период, — это замедление роста численности, фактически стабилизация количества научных сотрудников в стране; это, отмечает Гинзбург, совершенно новое явление, которого не было в предыдущие 60 лет советской власти. В связи с этим встает вопрос о других способах повышения эффективности науки, в качестве которых Гинзбург указывает три: создание доброжелательного климата в научных коллективах, уменьшение потерь времени из-за бюрократизма и улучшение отбора способных к самостоятельной науке научных

³ Несветайлов Г.А. Больная наука в больном обществе // Социологические исследования. 1990. № 11. С. 44.

⁴ Там же. С. 45.

ГЛАВА 12

ПРОБЛЕМА ТАЛАНТА

Благодать XX века

Важнейшей особенностью «социальной антропологии», воплощенной в советской научной прозе, являлось жесткое противопоставление людей, обладающих способностями, и тех, кто ими не обладал или обладал лишь средними. Это мировоззрение было вопиюще меритократичным, доходящим до откровенной моральной дискредитации посредственных людей, воспринимающихся в этой прозе как люди не вполне полноценные и не вполне легитимно занимающие место в рядах научных работников. Ясно, что, когда идет речь о научных исследованиях и их результативности, такое отношение к таланту и неталантливости во многом оправданно, но поскольку речь идет о художественной прозе, то мы редко сталкиваемся с проблематикой научной продуктивности в чистом виде; низкая продуктивность посредственных персонажей, как правило, оказывается звеном в более системном, многоаспектном конфликте.

От природы ли талант? Если авторы советской научной прозы вообще задумываются над этим вопросом, то, как правило, отвечают на него положительно. Во всяком случае, аспект семьи и воспитания прозаики XX века часто прямо отрицают: их произведения полны самородками, родившимися в глухих деревнях, в простых семьях, но добившихся успеха в науке и искусстве. «Был сиротой, патронированным, как говорили в селе, шагнул от пастушков колхозного стада до высокого научного звания — доктора наук, из облупленной хаты на бригадном дворе в современную квартиру в профессорском доме на Владимирской улице, половину которой занимала библиотека», — так описывается один из героев романа Юрия Мушкетика «Белая тень». И наоборот, через советскую прозу проходит линия дискредитации людей посредственных из хороших семей, потомственных ученых (Раков в «Кафедре» И. Грековой, Ардашин в «Атомграде» М. Колесникова). Здесь чувство справедливости работало в паре с советской идеологией, тут мы видим странное воспроизводство стереотипов дискредитации дореволюционной интеллигенции из довоенной литературы.

Наличие или отсутствие таланта в мире ученых оказывается чем-то, чем является Божья благодать в фаталистической интерпретации протестантизма у Макса Вебера: жизненный успех, судьба, достоинство человека целиком

определяются наличием Божьего благословения, но никак повлиять на решение Бога дать это благословление человек не может, а все достигнутые тяжелым трудом успехи будут лишь доказательством, что это благословение было. И именно поэтому вполне закономерно в фильме «Лебедев против Лебедева» (реж. Г. Габай, 1965) главный герой во внутреннем диалоге признается, что каждый вечер откладывает работу над своей научной теорией, потому что лучше огорчаться, что тебе не дают работать, — чем столкнуться с неудачей, которая покажет, что у тебя нет способностей, что ты посредственность, — это будет больно.

Однако такая, казалось бы, простая истина, что природный талант не является заслугой, осталась для литературы этой эпохи в сущности неведомой: всякому прочитавшему достаточно большое количество русских текстов XX века об ученых (а заодно о деятелях искусства) не может не показаться, что обладание талантом тут воспринимается как заслуга и достижение, а бездарность — как упущение и вина, хотя доказать это ощущение текстуально довольно сложно.

Впрочем, расхожей идеей тех времен было то, что талант по большей части определяется трудолюбием. В 1977 году один из пионеров советской кибернетики академик А. Берг в специальном посвященном проблемам работы ученых публицистическом сборнике прямо пишет, что талант в основном создается трудом и может быть сформирован¹.

Из этого прямо следовало, что бездарный человек прежде всего ленив или неспособен сконцентрироваться на одном деле. Впрочем, это убеждение не было всеобщим. «Есть таланты, но ленивые до тошноты, есть бездарности, трудолюбивые до отвращения», — читаем в романе Михаила Емцева и Еремея Парнова «Море Дирака» (1966). В повести И. Грековой «Кафедра» изображается удивительно трудолюбивый, добросовестный, но совершенно бездарный профессор — то есть та самая «бездарность, трудолюбивая до отвращения». Вполне возможно, что «Кафедру», произведение довольно позднее, следует интерпретировать как идущее исподволь признание врожденной, генетической природы таланта.

В романе Бондаренко «Пирамида» (1976) мы видим пространные размышления о различии талантливых и обычных людей, из которых явственно следует, что талантливые люди — явно не вполне обычные, в частности поскольку они свободны от «мещанских», «материальных» мотиваций — тема чрезвычайно важная для русской культуры «больших шестидесятых»:

— Так вот, Шумилов, как я вам уже говорил, человек превосходный во всех отношениях. Но я думаю, что он не ученый и никогда им не станет. Хотя работать он умеет и работает хорошо. В обычном смысле этого слова, — добавил он, вспомнив, видимо, что говорил раньше. — Но в науке слово «обычно» чаще всего означает «плохо». Исследовательская работа сама по себе вещь необычная. А Шумилову явно чего-то не хватает, чтобы

¹ Возраст познания. М.: Молодая гвардия, 1977. С. 177.

Оклеветанная посредственность

Управленческая работа, которая, казалось бы, может дать возможность человеку нетворческому принести пользу науке, в глазах «литературного коллективного сознания» искуплением для бездарности не являлась. Объяснений, почему бездарный исследователь не годится также и для позиции научного менеджера, было много, например: бездарность будет завидовать таланту и специально мешать ему; бездарный менеджер будет опасаться, что талант разоблачит те ошибочные идеи, благодаря которым бездарный руководитель сделал свою карьеру; бездарность не может понять гениальную идею; наконец — бездарный может просто не распознать талант и не отличить талант от бездарности. В качестве такого «невинного злодея», выступает, например, персонаж повести Геннадия Гора «Ошибка профессора Орочева» (1955), замдекана Овчаренко, который искренне продвигает плагиатора-антагониста Евгения Степанова, по своей посредственности не умея распознать вторичность его идей. Овчаренко, который не смог стать ученым и оказался плохим лектором, став заместителем декана, по словам автора, проявил «если не способности, то усердие», однако, не будучи способным оценить собственные возможности, «даром ел хлеб», «приносил более вреда, чем пользы», тратил время на бесполезные воспитательные беседы со студентами и т. д.

Между талантливыми и бездарными сотрудниками в научных учреждениях неизбежно возникают зависть и конфликты, описываемые прозаиками, — например, так объясняется причина провала защиты диссертации одного из научных сотрудников в «Открытой книге» Каверина: «А между тем знаете ли вы истинную подоплеку этого провала? Она проста, и, чтобы понять ее, нет необходимости изучать теорию иммунитета. Ему завидуют — и завидуют страстно! Вы спросите меня, как можно завидовать юноше, который ничего не требует, никому не мешает, не стремится к высокому положению и вообще занят только наукой? Вот этому-то и завидуют... Мерзляков талантлив. Он уже теперь, в двадцать шесть лет, знает и понимает в науке больше, чем какой-нибудь заслуженный ученый, о котором помнят только одно — что лет сорок тому назад он выступил с блестящим докладом на Пироговском съезде».

Или — сцена из романа Гранина «Иду на грозу», где под удар бездарностей попадает великий ученый Дан: «Пользуясь ситуацией, — наконец-то! — Дана наперебой принялись поучать те, кого он называл посредственностями, импотентами, кто всегда чувствовал себя под угрозой, чьи работы он высмеивал, — начальники отделов и лабораторий, которые годами занимались пустяками, но зато никогда не рисковали и не ошибались. В свое время Дан пытался избавить от них институт и не смог».

В уверенности, что плохой ученый не может быть хорошим руководителем научной организации, в отрицании особой профессии научного менеджера мы должны, вероятно, видеть характерное для общественного мнения

второй половины XX века смещение понятий «бездарность» и «некомпетентность» — смещение, для которого, как кажется, были существенные социальные и исторические причины, требующие отдельного исследования.

Хорошей иллюстрацией тут может служить эпизод в романе Гранина «Иду на грозу», в которой бездарный ученый и карьерист Агатов добивается должности главы лаборатории, разворачивая перед главным героем, Крыловым, свои планы:

Подать мы себя не умеем, вот в чем беда, Сергей Ильич. Те же самые работы так можно обставить, что нас завалят средствами, оборудованием, чем хотите. Поверьте мне, коллективу куда выгоднее, если у начальника никаких своих интересов научных нет. — Он предостерегающе поднял руку. — Знаю, знаю. Знаю, что вам советуют и Бочкарев, и вся его компания. А вы не слушайте. Все они эгоисты. И, между прочим, я не осуждаю. Настоящий ученый должен быть эгоистом, иначе он ничего не успеет.

Плоское лицо его влажно блестело. Он работал. Он разворачивал перед Крыловым свои планы, один заманчивей другого. У него все было давно продумано.

Он знал все, что можно было знать о дирекции, о работниках главка, хитрости их взаимоотношений, списки трудов академиков, кто чем увлекается, знал, что с Лиховым проще всего встретиться на концерте в консерватории, что дочь секретарши Денисова работает в пятой лаборатории.

На первый — современный — взгляд, такой руководитель лаборатории действительно полезен научному процессу, но Крылов, к которому обращается Агатов, так не думает. Мысли Крылова по этому поводу основываются, если можно так выразиться, на идее тотальности последствий отсутствия таланта: «Разумеется, Бочкарев, и Ричард, и Голицын — они руководствуются самыми высокими принципами, а вот Агатову все это предстает, наоборот, величайшей несправедливостью. Природа обделила его талантом, отсюда обиды, ущемленность, зависть — все, что уродует человека. И как помочь ему? Неужели неизбежна такая несправедливость? Но и ребята правы: к руководству нельзя подпускать бездарных. Но и бездарные никогда не чувствуют себя бездарными. Они не мучаются, они заvidiaют и злятся».

Итак, бездарность творческая порождает моральное уродство, а то, в свою очередь, управленческую деструктивность.

Вообще «Иду на грозу» Даниила Гранина — один из самых ярких памятников не только советской литературы, но и, так сказать, советской ментальности, советской интеллигентской идеологии, в котором «смакуются» именно моральные последствия различия таланта и бездарности. Позволим себе привести еще один фрагмент из этого романа — диалог Крылова с аспирантом Ричардом, касающийся все того же бездарного Агатова:

— Ненавижу бездарности. От них все зло; их надо давить. Их нельзя подпускать к науке. Их надо травить, высмеивать.

Конец ознакомительного фрагмента

Уважаемый читатель!

**Размещение полного текста данного
произведения невозможно в связи с ограничениями
по IV части ГР РФ.**

**Эту книгу вы можете почитать в Оренбургской
областной универсальной научной библиотеке
им. Н. К. Крупской по адресу: г. Оренбург,
ул. Советская, 20; тел. для справок: (3532) 32-32-49**